



МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ.

I.



ВЪ НАЧАЛѢ первой половины семидесятыхъ годовъ я былъ буквально выброшенъ изъ литературной колеи властною рукою тогдашняго начальника по дѣламъ печати, Михаила Лонгинова. Тогда это было дѣло возможное. Печать была почти безправна, а редакторы сплошь запуганы. Дули сѣверные вѣтры... Въ напечатанномъ отрывкѣ моихъ воспоминаній¹⁾ я уже писалъ, что послѣ запрещенія моего изданія «Всемирный Трудъ» и сожженія книги «Отъ Петербурга до Двины» (подражаніе путешествію Радищева) мнѣ приходилось на первое время удалиться изъ Петербурга. Случай натолкнулъ на мысль купить гдѣ-нибудь клочокъ земли и просидѣть въ сельскомъ уединеніи, пока на берегахъ Невы не перемѣнится политическая атмосфера. Последнее именно и случилось черезъ нѣсколько лѣтъ, во дни Лорисъ-Меликова.

Денегъ у меня былъ немного,—я продалъ второй свой журналъ, подцензурный, «Дешевую Библіотеку», Меркулеву и компаніи юношей²⁾—и чтобы понять нѣсколько рискованную мысль мою купить землю, слѣдуетъ пояснить, что цѣны на земли въ тѣ поры стояли

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1907 годъ, апрѣль и май.

²⁾ Въ приобрѣтенномъ Меркулевымъ журналѣ участвовала либеральная молодежь. Но не было дарованій, и «Дешевая Библіотека» прекратилась.

очень низкія. Въ особенности дешево продавались имѣнія въ Сохранной Казнѣ, помѣщавшейся въ огромномъ старомъ зданіи на Большой Мѣщанской, нынѣ Казанской, улицѣ. Всего прошло съ тѣхъ поръ съ небольшимъ тридцать пять лѣтъ, но нынѣшній благополучный россиянинъ съ трудомъ повѣритъ тѣмъ порядкамъ и той процедурѣ продажи въ Сохранной Казнѣ, о которыхъ я намѣренъ здѣсь рассказать. Особое время было. Никто не хотѣлъ покупать поземельную собственность. Другія аферы, обѣщавшія скорую и крупную наживу, занимали петербургскихъ капиталистовъ, крупныхъ и мелкихъ. Продажа просроченныхъ имѣній въ Сохранной Казнѣ шла вяло, неудачно. Торги назначали ежегодно въ ноябрѣ и декабрѣ. Но желающихъ торговаться всегда бывало очень ограниченное число: человѣкъ шесть, рѣдко восемь, десять. И въ этомъ числѣ еще бывали такъ называемые «отступники» — люди, не имѣвшіе въ виду что-либо купить, а приходившіе только для полученія отступного.

Желавшіе участвовать на торгахъ поднимались по широкой лѣстницѣ, затоптанной и безъ ковра, во второй этажъ и попадали въ большія темноватыя залы, достаточно закоптѣлыя, съ запыленными окнами, выбитымъ паркетомъ и съ убогою жесткою мебелью краснаго дерева, обитою вытертою кожей. Мебель была временъ Екатерины и ужъ никакъ не моложе эпохи Александра I. Въ простѣнкѣ между окнами первой залы висѣло длинное, узкое зеркало съ остатками позолоты на рамѣ. Оно было составлено изъ двухъ кусковъ стекла, и поглядѣвшій въ него видѣлъ свою фигуру, перерѣзанную пополамъ. Изъ этой залы дверь налѣво вела въ комнату присутствія. Тутъ всегда стоялъ унтеръ, впрочемъ, только для престижа: всѣ свободно проходили. Направо дверь вела въ канцелярію, тоже для всѣхъ открытую. Въ присутствіи за большимъ столомъ съ бронзовыми украшеніями, съ зеркаломъ, обыкновенно среди мертвой тишины, засѣдалъ небольшого роста, совершенно лысый старичокъ, съ круглымъ, румянымъ, нѣмецкаго типа лицомъ. Это былъ почетный опекунъ и, кажется, сенаторъ, Цеймернъ. Человѣкъ, по общимъ отзывамъ, очень добрый, но ужъ и очень старый. Чаше всего онъ дремалъ въ своихъ креслахъ и только при входѣ просителя пробуждался и смѣшно моргалъ глазами. Всѣ дѣла рѣшались въ канцеляріи. Когда, бывало, окончишь переговоры съ столоначальникомъ, получаешь совѣтъ:

— Ну, идите теперь къ нашему старичку. Попросите... Онъ это любитъ.

Старичокъ, стряхнувъ дремоту, таращилъ глаза и строго взглядывалъ на просителя, что совершенно не шло къ его кроткому, добродушному лицу, нѣсколько напоминавшему лицо старой бабы, и неизмѣнно говорилъ:

— Хорошо-съ! Я рассмотрю ваше дѣло.

Въ канцеляріи, какъ это ни странно, сколько упомяну, не было вовсе молодыхъ людей. Служили все сѣренькіе, старенькіе старички, лысые или сѣдые, потертые жизнью, въ заношенныхъ вицъ-мундирахъ. Переговоры они вели вполголоса. Старички были со скромными поползновеніями, нежадные, охотно готовые услужить чѣмъ могли: дать справку, посовѣтовать и т. п. И если кто послѣ торговъ и покупки имѣнія благодарилъ, торопливо, не считая принимали благодарность и поскорѣе засовывали ее въ карманъ.

Въ Сохранной Казнѣ въ то время служилъ также и небезызвѣстный ярый протестантъ-обличитель, господинъ Гіероглифовъ. Кѣмъ онъ служилъ—не знаю. Съ нимъ мнѣ не приходилось имѣть дѣла. Но это былъ совсѣмъ особый человѣкъ— не къ масти сѣренькимъ старичкамъ канцеляріи Сохранной Казны: говорилъ онъ рѣзко, громко, постоянно противъ чего-то озлобленно протестовалъ; бѣгалъ стремительно по заламъ твердою походкою, вовсе не напоминавшею почтительную чиновничью рысь. Увидя какъ-то меня, онъ ухватилъ за бортъ моего сюртука и закричалъ такъ, что, вѣроятно, разбудилъ дремавшаго Цеймерна въ присутствіи:

— И вы здѣсь! За чѣмъ притащились? Хотите покупать? Вздоръ, не стоитъ... И какой вы сельскій хозяинъ? Имѣнья продаются разоренныя, гадость. Уходите-ка лучше. Васъ Лонгиновъ прихлопнулъ—протестуйте, протестуйте и еще разъ протестуйте.

Но я не послушалъ шумливаго Гіероглифова и не ушелъ.

Протестовать въ то время было все то же, что предъ глухими распѣвать арію.

II.

Условія продажи имѣній въ Сохранной Казнѣ были чрезвычайно выгодныя. Залого передъ торгами вносить не требовалось; можно было съ двумя двугривенными въ карманѣ торговаться на тысячныя имѣнія. Поступавшее на торги имѣніе два года продавалось съ суммы долга; на третій годъ—съ оцѣнки. Оцѣнивала земская полиція на мѣстѣ и обыкновенно очень низко. Такъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ десятина цѣнилась по 3, по 5 рублей и рѣдко выше. На первые торги покупатели обыкновенно не являлись. Но и съ оцѣнки немного было охотниковъ покупать, особливо большія имѣнія. Покупщики, купивъ, вносили всего 10⁰/о съ покупной суммы, а остальное разсрочивалось имъ на 36 лѣтъ изъ шести процентовъ годовыхъ, считая въ то число и процентъ погашенія. Купчая крѣпость, согласно привилегій Сохранной Казны, выдавалась безъ уплаты пошлинъ, а такъ какъ крѣпости тогда совершались не у нотаріусовъ, а въ существовавшихъ еще палатахъ соединеннаго уголовнаго и гражданскаго суда, то приходилось уплачивать только за листъ гербовой бумаги, не считая, разумѣется,

того, что давалось надсмотрщику крѣпостныхъ дѣлъ и его писцамъ. Но что значить аппетитъ самаго жаднаго надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ въ сравненіи съ требованіями нынѣшнихъ нотаріусовъ, особливо столичныхъ, съ ихъ разными пошлинами казенными, въ пользу города, земства и т. д. до безконечности?

Первое имѣніе, мною купленное, было фольваркъ Клетки, Городокскаго уѣзда, Витебской губерніи. Въ немъ числилось 184 десятины, въ томъ числѣ семьдесятъ десятинъ лѣсу, оказавшагося хорошимъ сосновымъ и строевымъ, съ частью озера Иванъ и рѣчкою съ очень недурнымъ сѣнокосомъ по берегамъ. Имѣніе было оцѣнено по 3 рубля за десятину въ 452 рубля. Я далъ за него 600 рублей, т. е. уплатилъ наличными 60 рублей и сталъ землевладѣльцемъ. Въ усадьбѣ я нашелъ трехъ коровъ и старую лошадь; поля были засѣяны крестьянами исполу. Домикъ въ Клеткахъ былъ и состоялъ изъ двухъ избъ, порядочно ветхихъ, соединенныхъ сѣнями и крытыхъ соломой. Одна изба была черная, съ землянымъ поломъ и огромною русскою печью. Здѣсь жилъ жидочекъ Юдка, арендовавшій мою часть озера Иванъ за 30 рублей въ годъ. Кромѣ того, онъ обязанъ былъ еще безвозмездно ѣздить въ городъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю за покупками, письмами и газетами. Юдка, обремененный семьей (шесть душъ), былъ буквально нищій, но чрезвычайно юркій и услужливый. Бывало, скажешь ему:

— Юдка, какъ бы это курицу достать или масла и яицъ.

Черезъ часъ Юдка уже являлся съ требуемой провизіей.

— Купилъ?—спросишь, бывало.

— Зачѣмъ купилъ?—отвѣтитъ онъ, ухмыляясь.—Взялъ у Ёомы или у Ивана.

— А расчетъ?

— Ну, увидите, господинъ, чего стоитъ. Не обидите.

На всемъ Юдка зарабатывалъ копейки. Мужики ему довѣряли и безъ его посредничества даже мудрено было что-либо купить.

Юдка былъ строгій, правовѣрный хасидъ и исполнялъ всѣ обряды іудейства, но исполнялъ ихъ очень своеобразно. Когда его, напримѣръ, застигалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дому шабашъ, онъ доставалъ мѣдный тазъ, наполнялъ его водою, разувался, ставилъ ноги въ воду и преспокойно ѣхалъ далѣе.

— Юдка! Вѣдь ты же согрѣшилъ: ѣхалъ въ шабашъ? — говоришь ему.

— Ни! Я не ѣхалъ. Видите, вода: я плылъ... Плывать въ шабашъ дозволено.

Изъ чистой половины моего домика въ Клеткахъ окна выходили на громадное синее зеркало озеро Иванъ. Пониже росли задычалыя вишни и яблони, уже не приносившія плодовъ. Воздухъ былъ чистый, здоровый. Весна была во всемъ расцвѣтѣ, когда мы съ женою приѣхали въ Клетки, и намъ показалось послѣ душнаго Петербурга, что мы попали въ рай.

По вечерамъ соловьи пѣли ярко и звонко въ кустахъ у самыхъ оконъ. И, вспоминая теперь эти Клетки, эту покупку, доставшуюся мнѣ за 60 рублей, я невольно повторяю: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Возможно ли что-нибудь подобное въ настоящее время?

Въ той же Витебской губерніи нынѣ крестьяне платятъ 40—60 и болѣе рублей за десятину. Не трудно было послѣ освобожденія предвидѣть, что съ годами мужикъ разродится и ему тѣсно станетъ на надѣльныхъ земляхъ. Правительство легко могло въ семидесятыхъ годахъ скопить грандіозный земельный фондъ, но кто же у насъ пылливо глядитъ въ будущее?

Клетки было имѣніе конфискованное. Владѣлецъ, неблагоразумный юноша, воспитанникъ VI класса, побродилъ по лѣсамъ недѣлю съ ружьемъ, изображая инсургента, былъ арестованъ, осужденъ, какъ взятый съ оружіемъ въ рукахъ, и сосланъ. Фольваркъ конфискованъ. Но такъ какъ онъ лежалъ гдѣ-то въ глуши, за озеромъ Иванъ, къ границѣ Великолукскаго уѣзда, то и не соблазнилъ ни одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которымъ послѣ 1863 года щедро раздавались конфискованныя имѣнія. Сохранная Казна продала Клетки за свой долгъ, и усадьба пріютила меня на время, выброшеннаго бурей, поднятою Михайломъ Лонгиновымъ въ мутномъ морѣ журналистики.

III.

Я долженъ сказать, что послѣ покупки Клетокъ меня еще озабочивала необходимость получить разрѣшеніе на право покупки поземельной собственности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Согласно указу отъ 5 декабря, купчая не могла быть безъ этого совершена. Просить витебскаго губернатора значило потратить два-три мѣсяца. Къ тому же я былъ католикъ, хотя и женатый на православной. Могли выйти затрудненія. Пробѣгая газетныя извѣстія, я вдругъ наткнулся на сообщеніе, что въ Петербургъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края Потаповъ, остановившійся въ Европейской гостиницѣ.

«Попробовать развѣ обратиться прямо къ его высокопревосходительству!» пришло мнѣ въ голову. И въ шесть часовъ утра—пріемный часъ Потапова — я очутился въ маленькой пріемной наслѣдника грознаго Муравьева. На карточкѣ, которую я передалъ, стояло: редакторъ-издатель и т. д. Ожидать почти не пришлось: вышелъ генералъ очень маленькаго роста, въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ орденомъ на шеѣ, съ гладко приглаженными височками. Привѣтливо улыбаясь, онъ спросилъ:

— Литераторъ? Журналистъ будете? Ну-съ, чѣмъ могу служить?

— Жена купила имѣніе въ районѣ Сѣверо-Западнаго края, такъ я просилъ бы дать разрѣшеніе.

Генераль сдѣлался еще любезнѣе.

Заявивъ, что онъ очень радъ переселенію въ районъ его управленія представителей русской литературы, онъ взялъ мое прошеніе и начерталъ на ономъ: «Выдать безъ справокъ. Лично извѣстенъ мнѣ»...

Въ заключеніе послѣдовало крѣпкое рукопожатіе и заявленіе:

Въ край нагнали, при моихъ предмѣстникахъ, разныхъ семинаристовъ, не пожелавшихъ въ попы, выгнанныхъ чиновниковъ-пьяницъ и взяточниковъ; надавали имъ имѣній въ надеждѣ, что они обрусятъ край. А они только компрометировали русское имя. Нѣтъ-съ, надобны люди образованные, надобны землевладѣльцы, покупающіе имѣнія на собственные средства, которыми они въ силу этого и будутъ дорожить. А пожалованные... помилуйте: они всѣ сданы въ аренду и подъ закладныя евреямъ и полякамъ. Владѣльцы не живутъ въ усадьбахъ, хозяйства не ведутъ. При моихъ объѣздахъ, если встрѣчалось имѣніе, совершенно разоренное, навѣрное оказывалось пожалованнымъ. И тутъ же рядомъ у поляковъ старательное хозяйство. Никакого сравненія въ культурѣ! никакого! Скажите, ради Создателя, гдѣ же тутъ обрусеніе края, торжество русской культуры?

Я поспѣшилъ согласиться, что обрусенія и торжества русской культуры точно во всемъ этомъ было немного.

На прощаніе генераль-губернаторъ пожелалъ мнѣ успѣха и обратился, но уже сердито, къ какому-то чинушѣ съ краснымъ лицомъ и угрями на носу, пришедшему проситься на службу.

Уходя и надѣвая пальто, я слышалъ, какъ гремѣлъ генеральскій голосъ:

— Никакого мѣста для васъ у меня нѣтъ. Служили становымъ, попросижи васъ въ отставку, вѣроятно, за хорошія дѣла, теперь намѣреваетесь попасть въ посредники. Чортъ знаетъ, какая смѣлость! Единственное ваше право на мѣсто это то, что вы русскій... Но этого, сударь, мало, понимаете, мало!

На крыльцѣ догналъ меня чинуша, получившій отъ Потапова вмѣсто мѣста головомошку. Онъ злобно спросилъ меня:

— А вамъ обѣщали мѣсто?

— Я никакого мѣста не просилъ.

— А меня, слышали, какъ разругалъ... Ополячился, измѣнникъ. Вы не литераторъ ли?

Я объявилъ, что нѣтъ.

— Жаль! жаль!—вздыхнулъ бывший становой.—Нужно послать въ «Московскія Вѣдомости» корреспонденцію, обличить новые порядки, измѣну... Ручаюсь вамъ, не пройдетъ и пяти лѣтъ управленія этого Потапова, какъ мятежъ снова вспыхнетъ.

Но пророчество не оправдалось: прошло цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, и никакого мятежа не вспыхнуло.

По моему дѣлу—выдачѣ свидѣтельства на право покупки—справки все же наводились о моей благонадежности въ мѣстномъ полицейскомъ участкѣ, и обошлось это мнѣ въ пять рублей, данныхъ околоточному, который и прописалъ мнѣ самую блестящую аттестацію. Года два спустя, женѣ понадобилось разрѣшеніе на покупку имѣнія въ юго-западныхъ губерніяхъ. Она въ Кіевѣ обратилась къ Ван—ской, чрезъ ея родственницу, старушку Статковскую, съ которою была хорошо знакома. Генералъ Ван—скій былъ въ то время въ отрядѣ цесаревича за Дунаемъ. Ван—ская дала очень практичный совѣтъ:

— Не ходите съ прошеніемъ къ генералъ-губернатору. На годъ затяните дѣло. Обратитесь къ правителю канцеляріи и повторяйте за каждымъ третьимъ словомъ: ваше превосходительство. Онъ только что произведенъ и еще не привыкъ къ этому титулу. Ручаюсь, просьба ваша будетъ улажена.

Такъ именно и вышло.

IV.

Въ Витебскѣ губернаторомъ былъ добрѣйшій и гуманнѣйшій господинъ, Иванъ Ивановичъ Дурново—особый, другой Дурново, вовсе даже и не родственникъ тому, который былъ потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ малороссъ, типичный петербургскій чиновникъ такъ называемаго перваго разбора: честный, трудолюбивый, весь день погруженный въ бумажныя дѣла, педантъ и съ высшими идеями. Идеи отличались непрактичностью. Но у петербуржцевъ это уже всегда такъ! Онъ тоже изъявилъ удовольствіе, что я—интеллигентъ и литераторъ—поселяюсь въ его губерніи.

Пожимая мнѣ руку, Иванъ Ивановичъ очень радушно предложилъ:

— А вы бы къ намъ поступали на службу!

— Не могу, ваше превосходительство.

— Отчего не можете? Жалко бросить Петербургъ? Пустое. Имѣніе купили, да еще служба—и отлично устроитесь.

— Не въ томъ дѣло, я католикъ.

Губернаторъ сдѣлалъ удивленное лицо:

— Какъ же вы получили разрѣшеніе на покупку?

— У меня жена православная.

— Ну, это другое дѣло. Только, видите ли, того... Это меня удивляетъ.

— А знаете что?—добавилъ онъ, помолчавъ.—Принимайте православіе.

— Да зачѣмъ же мѣнять исповѣданіе?

— Чтобы поступить на службу. И что вы тамъ будете мѣнять? Просто одинъ обрядъ. Опредѣлю васъ непремѣннымъ членомъ, а черезъ годика два—посредникомъ.

Я поблагодарилъ добрѣйшаго Ивана Ивановича и, чтобы его не обидѣть отказомъ, обѣщалъ подумать.

Всѣми дѣлами въ губерніи, и преимущественно выборами и опредѣленіемъ чиновниковъ, распорядился правитель канцеляріи, высокій лысый старикъ Х. Это былъ дока стараго времени. Встрѣтивъ меня въ клубѣ, гдѣ ежедневно шла очень даже крупная игра, Х. взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону отъ столика, за которымъ инженера Мышенкова (его скоро потомъ предали суду за злоупотребленія) обыгрывали два посредника и одинъ отставной полковникъ Каза—нъ. Х. меланхолически произнесъ:

— Не стоитъ смотрѣть: результатъ игры заранѣе извѣстенъ. Мышенковъ проиграетъ. Этотъ Каза—нъ, чортъ знаетъ, какая у него ловкость въ рукахъ.

— И онъ при этомъ качествѣ—членъ клуба?

— Даже въ старшины выбрали. Ну-съ, а вы у насъ поселились. Имѣннице ваше дрянцо—песокъ и подзолъ. Его у насъ предлагали даромъ даже одному столоначальнику консисторіи—не взялъ. Ну, да вамъ что? Вѣдь вы петербуржецъ: хозяйство вести не будете. Займетесь писаніемъ обличительныхъ корреспонденцій.

— Знаете что?—добавилъ онъ, дружески пожимая мою руку.—А вы корреспондируйте полегче; не задѣвайте личностей. А то вѣдь у насъ тамъ въ уѣздахъ народъ дикій. Корреспонденціей ихъ не проймешь, а можетъ приключиться бѣда.

— Какая же бѣда?—спрашиваю, удивленный.

— Да попросту побьютъ васъ, хорошо еще, если легонько, а то вѣдь искалѣчить могутъ.

Въ виду такого боевого настроенія уѣздныхъ администраторовъ, я благоразумно порѣшилъ, пока буду жить въ Клеткахъ, никакихъ корреспонденцій не писать.

V.

Бѣлорусскіе крестьяне народъ добрый, честный и трудолюбивый. Они не такъ бойки и смышлены, какъ великороссы, но зато обладаютъ многими патріархальными добродѣтелями: семейство всегда у нихъ крѣпкое, младшіе члены уважаютъ стариковъ; пьянство не особенно развито; женскій полъ, вѣроятно, благодаря отсутствію фабрикъ, очень строгихъ нравовъ. За исключеніемъ бывшихъ дворовыхъ, уже тронутыхъ цивилизаціею, масса населенія не воры, не лодыри и искренно набожны. Я нигдѣ и ни-

когда не видалъ, чтобы крестьяне, даже молодые хлопцы, прошли мимо церкви и кладбища, не снявъ шапки и не перекрестившись. Ограбленіе церквей въ тѣ поры было вовсе не слыханное дѣло. Да и теперь бѣлорусскія губерніи наиболѣе покойныя, и революція въ нихъ не прививается. Къ освободительному движенію примкнули одни евреи, отъ нищеты и голодухи, да еще развѣ мѣщане, лишенные надѣла, которымъ нечего ѣсть и негдѣ сѣять. Села остаются покойны: попрежнему усердно обрабатываютъ неблагодарную почву—пески, подзолы—и искренно вѣруютъ въ Бога и въ то, что за добро ждетъ въ будущей жизни награда, а за зло—кара; вѣруютъ, что только бы попъ пришелъ къ умирающему съ послѣднимъ напутствіемъ, тогда ему и умереть легко.

И какъ легко, безъ всякихъ страховъ и тревогъ, помню я, умирали эти простые, добрые люди.

Въ деревнѣ Клеткахъ, въ верстѣ отъ моей усадьбы, умиралъ достаточный хозяинъ Хома. Старъ ужъ онъ очень былъ: помнилъ руину (1812 г.), но до послѣдняго времени держалъ хозяйство въ рукахъ; и сыновья и внуки слушались старика. Я засталъ Хому снятымъ съ перины и положеннымъ на сѣно, прямо на полъ.

— Зачѣмъ вы сняли старика съ перины?—спрашиваю.— На мягкомъ ему покойнѣе.

Семья хранила почтительное молчаніе. Одна молодая бабенка начала было выть. Ее сейчасъ же вытолкали за дверь. Старшій сынъ, солидный, сѣдобородый мужикъ, шепнулъ мнѣ:

— Батка самъ приказалъ положить себя на полъ на сѣно. Не желаетъ изгадить перину. Умри онъ на перинѣ, перину пришлось бы продать жидамъ...

— А былъ батюшка?

— Только что уѣхалъ. Исповѣдалъ и приобщилъ. Благодареніе Господу!

— Да, можетъ, Хома и поправится.

— Нѣтъ, куда ужъ. И колокольцы (хрипѣнье) въ грудяхъ у его слышны.

Самъ умирающій былъ на диво покоенъ и дѣлалъ свои послѣднія распоряженія: бураго, лучшаго коня назначилъ старшему сыну; рыжую кобылу—младшему; коровъ, овецъ, домашнюю рухлядь тоже аккуратно раздѣлилъ и слабымъ голосомъ закончилъ:

— Дитки! вотъ я помираю... простите, коли въ чемъ кого изобидѣлъ.

— Богъ проститъ! — хоромъ отвѣтила семья. Бабы снова попробовали завывать и смолкли.

— Дитки!—снова заговорилъ умирающій;—послѣдній мой вамъ приказъ: живите одной семьей, не дѣлитесь, снищаете тогда. У жидовъ не должайте. Пропадете! Бабамъ воли не давайте: бабы попусту вздорятъ, унимаите ихъ... А теперь, дитки, сложите мнѣ

руки крестомъ... Вотъ такъ... Хорошо! дайте въ руки свѣчку... Господи! прими духъ мой, спаси и помилуй.

Старикъ замолкъ, закрылъ глаза и притихъ. Черезъ полчаса онъ былъ уже мертвъ. Тогда бабамъ дали волю, и онѣ завыли на все село.

VI.

Лѣто и осень, проведенныя въ Клеткахъ, оставили во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Отношенія къ крестьянамъ были, что называется, безъ сучка и задоринки. Засѣявшія мою землю исполу двѣ семьи во-время сжали и свезли хлѣбъ. Принялись за молотьбу, для этого приходили малые и большіе рано, часа въ два утромъ. Я, разумѣется, предпочиталъ въ это время спать.

Когда молотьба кончалась и хлѣбъ былъ провѣянъ, въ окно ко мнѣ стучалъ какой-нибудь дядя Охремъ и кричалъ:

— Проснись, баринъ. Кучу дѣлить время.

На гумнѣ обыкновенно уже лежали кучкою зерна, и на кучкѣ рукою былъ начерченъ крестъ. Старшій хозяинъ отмѣчалъ такъ кучу зерна для того, чтобы святой символъ былъ порукою, что во время молотьбы ночью никто тихонько зерномъ не воспользовался.

Можетъ быть, изъ молодежи который-нибудь и могъ бы побаловаться, стащить бездѣлку, но старикамъ смѣло можно было до-вѣрить хоть весь амбаръ или деньги для посылки на почту. Почва надѣловъ была плохая вокругъ всего озера Иванъ и вообще Городокскій и смежный Себежскій уѣздъ считаются плохими, бѣдными. Крестьянство жило въ нихъ небогато, но усердно ко-выряло свои плохіе надѣлы, удобряло ихъ, корчевало пустоши, а главное—спасалось отъ бѣды, засѣвая ленъ. А ленъ, особливо на новинахъ, нѣсколько лѣтъ отдыхавшей землѣ, родился очень удовлетворительно. Продавъ ленъ, крестьянинъ оплачивалъ подати и выкупные, а тѣмъ, что уродилось на полѣ, жилъ и кое-какъ сводилъ концы съ концами.

Но этому сведенію концовъ съ концами мѣниала другая язва нашего Западнаго края—нищее еврейство. Въ мѣстечкахъ и городахъ сидѣли десятки тысячъ жидовъ, буквально не знавшихъ, чѣмъ имъ быть сытыми.

Факторство, особливо послѣ 1863 г., не могло прокормить и десятой части нищаго Израиля. Помѣщикамъ было не до факторовъ, когда и самимъ было тѣсно. Оставались кое-какія ремесла и мелкая торговля на прокормъ несчастному жидовству.

И вотъ жиды, чтобы не умереть съ голоду, взапуски, на-прямая всѣ фибры своего изворотливаго ума, старались жить на счетъ крестьянъ. Шла ожесточенная борьба за существованіе, за

кусокъ хлѣба. Крестьяне, разумѣется, оставались всегда въ проигрышѣ.

Послѣ эмансипаціи, по крайней мѣрѣ въ семидесятыхъ годахъ, я не замѣчалъ, чтобы бѣлорусскіе крестьяне побогатѣли.

— Отчего бы это? — спрашиваю старосту деревни Клетокъ, дядю Охрема. — Барщины нѣтъ, плата невысока. Отчего не богатѣете?

— Оттого, — умыляясь говорить Охремъ: — что прежде три мужика кормили одного жида, а нонѣ жидъ разродился, и теперь одинъ мужикъ долженъ кормить трехъ жидовъ. Гдѣ же тутъ одному управиться!

Осталось у меня въ памяти только одно непріятное воспоминаніе за все время моего пребыванія въ мирныхъ Клеткахъ — это мое знакомство со становымъ Зубатовымъ. Это тоже типъ старыхъ временъ. Едва ли нынѣ сыщется гдѣ-либо подобный экземпляръ. Впрочемъ, на святой Руси и не такое возможно.

Былъ хорошій, теплый августовскій вечеръ. И жена сидѣли въ вишнякѣ и любовались, какъ на озерѣ ловили крестьяне рыбу сѣтями. На небѣ ни облачка; озеро точно уснуло. Сухой туманъ заволакиваетъ прозрачною синеватою дымкою противоположный дальній берегъ Ивана. Надъ водою носятся съ крикомъ бѣлыя, точно серебряныя, чайки. На берегу, на пескѣ, сидитъ Юдка и ждетъ, пока вытащатъ сѣть. Это его рабочіе ловятъ. Но вотъ и сѣть вытащили. Большая кучка окуней, плотвы и ершей бьется на пескѣ. Юдка радъ; уловъ хорошій. Онъ сортируетъ рыбу и умильно поглядываетъ на нѣсколько попавшихся крупныхъ щукъ, любимую шабашовую рыбу всякаго еврея. Съ шафраномъ и обиліемъ перца щука по-еврейски считается у насъ многими, даже не евреями, вкуснымъ блюдомъ.

— Что, Юдка, много заработаешь? — спрашиваю.

Юдка поднимаетъ свое лицо, покрытое крупными веснушками, отираетъ рукавомъ потъ и говоритъ съ довольною улыбкою:

— Надо быть, три рубля выручу.

— Врешь! — кричитъ съ лодки дядя Охремъ. — Пятерку выручишь.

— Ну, можетъ, и выручу пять. Какъ Богъ поможетъ.

— И мнѣ заплатишь аренду.

— И вамъ, баринъ, заплачу. Поведу продавать Охремову телку. Гроши (деньги) будутъ.

— Охремъ! — кричу старостѣ. — Какъ же это Юдка поведетъ на продажу твою телку? Долженъ ты ему?

— Долженъ, — мрачно подтверждаетъ Охремъ. — Десять рублей въ прошломъ году бралъ на подати. Ленъ у меня тогда пропалъ. Плачу, плачу — и все по его жидовскому счету долженъ. Кто его жидовскіе счета пойметъ. Извѣстно, пархъ!

Юдка добродушно смѣется. За названіе «пархъ» онъ не обижается.

— Юдка, да вѣдь ты грабитель!

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Юдка раскрываетъ полы своего лапсердака, показываетъ тряпье вмѣсто бѣлья, рваные сапоги и говорить мнѣ:

— Тѣ, что грабятъ, богато живутъ, а у меня рубашка съ плечъ сваливается. Охъ, худо намъ, жидамъ, жить, худо!

— Точно не сладко живется жидамъ,—соглашаюсь и я.

Вдали слышится колокольчикъ. Въ ворота вѣзжаетъ щегольская рессорная нетычанка, запряженная тройкою сытыхъ саврасыхъ лошадокъ. У кучера на шляпѣ пѣтушье перо. Рядомъ съ кучеромъ сидитъ здоровенный солдатище. Изъ нетычанки выѣзжаетъ высокаго роста рябоватый господинъ, въ бѣлой фуражкѣ и сѣромъ полицейскомъ пальто.

На лицѣ Юдки изображается неподдѣльный ужасъ.

— Штанывой,—говоритъ онъ.—Охъ, беда моя... Потягнетъ онъ меня во городъ, если не заплачу. Жидкамъ жить въ усадьбахъ запрещено.

Я встаю и иду навстрѣчу нежеланному гостю.

— Давно собирался познакомиться, поглядѣть, какіе такіе бываютъ сочинители,—говоритъ становой Зубатовъ, дружески потрясая мою руку.

Въ комнатѣ онъ сейчасъ же въ разговорѣ переходитъ на фамиллярное «ты».

— Хотите отобѣдать?

— Экъ хватилъ! На дворѣ вечеръ, а онъ обѣдать. Заѣзжалъ къ благочинному: другъ и пріятель мнѣ отецъ Ксенофонтъ. Угостился! А и грабитель же этотъ отецъ Ксенофонтъ. За свадьбу недавно содралъ съ полѣсовщика Иванова двадцать пять рублей. Въ оправданіе говоритъ: у него казенный лѣсъ, есть гдѣ и чѣмъ поправиться: Давай, говорю ему, батя, мнѣ пять рублей. Облопаешься, отвѣчаетъ, если съ поповъ начнешь брать. Довольно съ тебя и жидовъ.

Становой громко хохочетъ. Меня коробитъ, я молчу. Зубатовъ открываетъ всѣ окна и дверь. Ему жарко. Разстегиваетъ сюртукъ, распахиваетъ жилетъ и, кажется, даже отстегиваетъ пуговицы у панталонъ, приговаривая:

— Ну, и жарища же! Весь взопрѣлъ! Велика, сочинитель, подать водки.

— Нѣтъ у меня водки. Не пью.

— Какъ это: не пьешь? Сочинитель—и вдругъ не пьетъ. Необразно. Но у твоего Юдки водка навѣрное найдется. Знаю достоверно: корчемничаетъ, ракалія.

— И у Юдки водки нѣтъ. Да я и не позволилъ бы ему держать.

— Вотъ тебѣ на! А я думалъ хорошенько выпить, поболтать вечерокъ и заночевать въ Клеткахъ. А? какъ полагаешь?

Но оставить его ночевать я отказываюсь, сославшись на недостатокъ помѣщенія.

Высунувшись изъ окна, Зубатовъ кричить:

— Разсылный! Даниловъ! тащи ко мнѣ жидка Юдку.

Я пошелъ къ озеру, чтобы предупредить жену не выходить къ грубому гостю, находящемуся къ тому же въ подпитьи. Возвращаясь черезъ четверть часа, вижу Юдку на крыльцѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

— Содралъ-таки штанывой съ меня три рубля,—говоритъ онъ, почти плача.

— За что?

— Ну, хотѣлъ меня въ городъ представить. Намъ, евреямъ, въ усадьбахъ жить запрещено. Въ городѣ меня бы скоро не отпустили. А тутъ набашъ, пропадетъ недѣля. Даль ему послѣдніе три рубля. Пусть подавится.

Становой гуляетъ по двору, заглядываетъ во всѣ углы, сердится, что его лошадямъ не дали овса. Увидя меня, беретъ фамиллярно за плечо и говоритъ:

— Ну, ночевать у тебя, сочинитель, самъ вижу, нельзя. Ни сѣна, ни овса у тебя нѣтъ. Хорошо, ѣду въ Невель. Только видишь ли, какая штука: я забылъ деньги дома. Одолжи рублей 25 или хотя десять. На возвратномъ пути заѣду и отдамъ. Честное слово!

Денегъ ему я, однако, не далъ.

Обиженный Зубатовъ направился къ своей нетычанкѣ, сѣлъ и, выѣзжая за ворота, крикнулъ:

— Слушай, сочинитель! я тебѣ это припомню. Со мною ссориться невыгодно. Богъ тебя вѣдаетъ, чѣмъ ты тутъ занимаешься. Слыхалъ я, мужиковъ бунтуешь. То-то же!

Недѣли черезъ три я былъ въ Витебскѣ и рассказалъ мой инцидентъ со становымъ правителю канцеляріи. Х пожалъ плечами:

— Негодяй! знаю его подвиги. Взятчикъ. Придется перевести въ другой уѣздъ, гдѣ исправникъ построже.

— Слѣдовало бы просто уволить отъ должности.

Лицо Х. сморщила непріятная гримаса:

— Такъ-то такъ! слѣдовало бы уволить. Много хорошей, честной молодежи ожидаютъ мѣсть. Да нельзя Зубатова прогнать, его дядюшка у насъ тутъ видный постъ занимаетъ. Обидится.

VII.

Года черезъ два жена купила, опять же въ Сохранной Казнѣ (Клетки мы продали съ небольшимъ барышомъ), два имѣнія въ Волынской губерніи: Садки, въ семи верстахъ отъ мѣстечка Чудново и Лумлю за мѣстечкомъ Малинъ, къ границѣ Кіевской губерніи.

Въ первомъ считалось 222 десятины и за нихъ уплачено было наличными 300 рублей, и во второмъ 602 десятины съ уплатою наличными 1100 рублей. Волынская губернія пшеничная, почва въ ней черноземъ. Оставалось только радоваться покупкѣ. Но радость была преждевременна. Въ житомирской палатѣ соединеннаго уголовного и гражданскаго суда при выдачѣ купчей объявили, что предварительно слѣдовало уплатить разныхъ казенныхъ взысканій по Садкамъ 1500 рублей и по Лумлѣ 2300 рублей. Опека, которая завѣдывала ими, показала недоимки. Такихъ денегъ, разумѣется, у меня не было. Пришлось сдѣлать заемъ подъ закладную въ 4000 р. и, кромѣ того, надо было жить до новаго урожая. Положеніе оказывалось не изъ розовыхъ. Въ самомъ грустномъ настроеніи отправились мы съ женою съ купчею крѣпостью въ карманѣ обозрѣвать свои новыя владѣнія. Приходилось ѣхать мягкимъ трактомъ черезъ корабельную казенную дубовую рощу. Ни прежде, ни послѣ я никогда не видалъ подобныхъ дубовъ: прямые, какъ свѣчки, въ два обхвата толщиною, съ короною вѣтвей у самой вершины. Каждое дерево было занумеровано и заклемено.

— Вотъ тутъ-то ужъ срубить ничего нельзя!—подумалъ я и обратился къ возницѣ:

— Хорошъ лѣсокъ!

— Хорошъ вдоль дороги,—отвѣчаетъ.

— А дальше?

— Тамъ сильно порубленъ.

— Какъ же такъ: а нумерація, клейма?

Возница мой присвистнулъ, вѣроятно, удивляясь моему просто-душію.

— Понадобится срубить дубъ, сейчасъ пишутъ: буря повалила. Тамъ въ палатѣ и разрѣшаютъ: повалъ продать. Жидки житомирскіе торгуютъ отлично: въ самый Одестъ дубовыя бревна доставляютъ. Дубы стоящіе! пожалуй, по пятьсотъ, а то и болѣе годовъ иному будетъ. Это монастырскій лѣсъ. У ксендзовъ казна забрала. Тѣ берегли.

Въ Садкахъ я засталъ помѣщика Зеленскаго съ семьей, къ удивленію моему, нимало даже не подозрѣвавшаго, что усадьба его уже продана. Она продавалась много лѣтъ и не находила покупателя и вдругъ оказалась проданной. Зеленскій, высокій, худой старикъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, долго не могъ понять: какъ же это его Садки проданы, и вотъ теперь незнакомый господинъ изъ Петербурга, т. е. я, владѣлецъ его родного гнѣзда? Купчую мою онъ прочиталъ и все же не могъ понять: столько лѣтъ никто не покупалъ его Садковъ, и вдругъ они проданы.

— Что-нибудь да не такъ!—въ раздумьи говорилъ старикъ, снимая очки. — Надо ѣхать въ Житомиръ, справиться, принести жалобу.

Около насъ, ведшихъ переговоры, стояли съ блѣдными, испуганными лицами, г-жа Зеленская—сгорбленная старушка съ морщинистымъ лицомъ, напоминавшимъ печеное яблоко, и дочка Мальвина—высокая красивая дѣвушка. На глазахъ у обѣихъ были слезы. Онѣ лучше старика Зеленскаго понимали свое безысходное положеніе. Было начало марта. Черезъ недѣлю приходилась Пасха.

— И вы, господинъ, насъ выгоните передъ праздникомъ?—былъ робкій вопросъ старухи.

— Боже сохрани! я уѣду въ Житомиръ; собирайтесь не торопясь. Вы мнѣ напишете, когда очистите домъ.

— А наша мебель, лошадь, волю? А наши посѣвы на огородахъ и въ полѣ?

— Это ваша собственность. Этого я не покупалъ.

Приходилось однако провести ночь съ этою семьею, пораженною горемъ. Тяжелый ночлегъ. Никто изъ нихъ не ложился спать. Шли взаимныя обвиненія. И жена и дочь Зеленскія озлобленно нападали на старика, какъ могъ онъ допустить имѣніе до продажи. Были тутъ и слезы, и упреки, и во всемъ, къ моему крайнему удивленію, оказался въ концѣ концовъ виноватымъ «московский жондъ» (правительство).

Зеленскій на всѣ нападки твердилъ одно:

— Тутъ недоразумѣніе. Надо справиться. У меня въ Житомирѣ въ палатѣ есть знакомый дока. Вся палата у него въ рукахъ. Коли надо, въ сенатъ подамъ, государю жаловаться буду.

На утро мы съ женой уѣхали въ Житомиръ.

VIII.

Житомиръ лежитъ на высокой горѣ, надъ обрывистымъ берегомъ Тетерева. Тогда еще не было вѣтви желѣзной дороги, соединяющей нынѣ Житомиръ съ Бердичевымъ. Городокъ былъ тихій, провинціальнѣйшій, стараго типа. По улицамъ, большею частью немощенымъ, стояли одноэтажные домики, на первый взглядъ—каменные. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались оштукатуренными мазанками. Очень любопытенъ процессъ постройки этихъ домовъ. Очищается мѣсто, ставится четыре массивныхъ столба по угламъ; затѣмъ вкапываютъ въ землю въ мѣстахъ, гдѣ будутъ окна и двери, по два столба меньшаго объема; пространство между столбами забираютъ досками, часто старыми жердями и т. п. дрянью. Постройка всегда приноравливается къ лѣтнимъ мѣсяцамъ, когда жара доходитъ до 30° и болѣе.

Съ обѣихъ сторонъ постройку густо обмазываютъ глиною, смѣшанною съ рубленою соломой, даютъ ей высохнуть и штукатурятъ стѣны опять же изнутри и снаружи. Потолки тоже штукатурятъ. Крышу кроютъ дранками, у богатыхъ—гонтомъ. И домъ готовъ. Простоять онъ можетъ, пока погніютъ столбы, лѣтъ 30—40, а послѣ на мѣстѣ чистенькаго, бѣлаго домика остается только груда глины. Впрочемъ, въ Житомирѣ я видѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ и настоящихъ деревянныхъ. Улицы широки, пыльны и лѣтомъ днемъ почти безлюдны. Жара въ іюнѣ и въ іюлѣ въ Житомирѣ положительно нестерпимая. Днемъ всѣ сидятъ дома. Занавѣски спущены, ставни закрыты. Бродятъ одни жидки-мишуресы. Часовъ въ восемь вечера все населеніе города высыпаетъ на бульвары. Ихъ три; видъ на Тетеревъ съ третьяго бульвара очень живописенъ. Здѣсь всегда вечерами до поздней ночи толпа гуляющихъ, по преимуществу евреекъ, пышно разодѣтыхъ, непремѣнно въ жемчугахъ, брильянтахъ и съ тьмою темъ золотыхъ украшеній. Въ дни шабаша за Израилемъ положительно нѣтъ прохода. Южные евреи далеко не похожи на смиренныхъ жидковъ Бѣлоруссіи. И походка у нихъ смѣлая и фізіономія у нихъ рѣшительныя, вызывающія. Идущіе по бульвару подъ руки молодые еврейчата никогда даже дамамъ не уступятъ дороги.

Отѣѣвшіеся на пшеницѣ, которую, впрочемъ, сѣютъ и изготовляютъ не они, а хохлы, южные евреи самоувѣрены и рѣшительно считаютъ, что прекрасный нашъ Югъ и все Черноморье—ихъ собственность. Помѣщичій элементъ, которому они, по традиціи, уступали, почти уничтоженъ, а скромные чиновники разныхъ вѣдомствъ, конечно, не могутъ противодѣйствовать еврейскимъ преувеличеннымъ претензіямъ. Торговля въ ихъ рукахъ, капиталы тоже. Всѣ имъ должны. И какъ же вы хотите, чтобы они не были нахалами. Теперь, черезъ много лѣтъ, читая въ газетахъ описанія безпорядковъ освободительнаго движенія, въ которыхъ, отъ Кіева до Одессы, первенствующая роль принадлежитъ еврейству, я припоминаю то впечатлѣніе, которое на меня произвели дерзко-самоувѣренные южные евреи. «О, съ этимъ народомъ, претензливымъ, фанатичнымъ и ненавидящимъ христіанъ, а русскихъ въ особенности, хлопотъ будетъ много», записалъ я тогда въ своемъ дневникѣ.

И предсказаніе, къ сожалѣнію, оправдалось.

Свѣтлый праздникъ въ Житомирѣ пришлось провести скучно. Чужой городъ, знакомыхъ на первыхъ порахъ ни души. Къ довершенію огорченія погода испортилась; полили дожди, и улицы сдѣлались непроходимыми. Въ клубъ мнѣ попался однако знакомый изъ Витебска, докторъ Маріанъ Сульжинскій, купившій здѣсь имѣніе и попавшій на пески. Волынская губернія отличается чрезъ-

вычайнымъ разнообразіемъ почвы. На одной сторонѣ рѣчки черноземъ, а на противоположной—пески.

Сульжинскій именно попалъ на песокъ и проклиналъ свое переселеніе изъ бѣдной Могилевской губерніи въ богатую, по традиціи, Украину. Къ довершенію неудачи въ его имѣніи (болѣе 2000 дес.) оказалось много чиншевиковъ—арендаторовъ безсрочныхъ. Увеличить аренду съ нихъ нельзя. Иной 50 и болѣе лѣтъ платитъ сто золотыхъ (злотый — 15 коп.) за нѣсколько лановъ и одного гроша не надбавитъ. Съ другой стороны, помѣщикъ не даетъ чиншевику дровъ, не пускаетъ къ рѣкѣ скотъ поить. Идутъ безконечная борьба и безпрестанныя судьбища. Сульжинскій, кромѣ того, жаловался на отсутствіе практики. Богатое дворянство (польское) обыкновенно живетъ за границею, во Львовѣ, Краковѣ и Прагѣ. Хохлы не болѣютъ, или, правильнѣе, они неохотно зовутъ докторовъ, а евреевъ лечатъ доктора евреи. И докторъ медицины Сульжинскій, отъ нечего дѣлать, проживая по зимамъ въ Житомирѣ, большую часть дня просиживалъ въ клубѣ.

— Да и клубъ же здѣсь паршивый,—говорилъ онъ.—Никто не играетъ.

Это было вечеромъ. Въ залахъ клуба играли, кажется, на десяти столикахъ.

Указываю почтенному эскулапу на обиліе картежниковъ, въ опроверженіе его словъ, что въ Житомирѣ не любятъ играть.

Докторъ злится.

— Да развѣ это игроки? Дуются въ преферансъ по грошу, въ пикетъ по копейкѣ или въ зльба-цвельбу. Кто выиграетъ сто рублей, по всему городу звонъ идетъ. А вспомни-ка, какъ въ Витебскѣ инженеръ Мышонковъ проигрывалъ по тысячѣ въ вечеръ? Или опять съѣдутся, бывало, посредники, и ихъ полковникъ Каз—овъ обираетъ. Джентльменами держать себя: отъ проигрыша не завоютъ. А тутъ эти хохлы: изъ-за пятидесяти рублей плакать начнутъ сейчасъ. Нѣтъ, только бы удалось продать мое имѣніе, сейчасъ айда домой, въ милую Бѣлорусь.

И мнѣ, сознаюсь, Бѣлорусь была болѣе по сердцу пшеничной Украины. Хвалятъ степи, съ легкой руки Гоголя. А въ степяхъ, хотя бы на Волыни, никакой красоты я не видѣлъ: безконечная равнина, безлѣсная, мѣсяцевъ пять въ году немилосердно выжженная солнцемъ. Не на чемъ отдохнуть глазу. Радъ радешенекъ, когда вдали замѣтишь грушу среди поля или ряды тополей, впрочемъ, мало дающихъ тѣни. Неумолимое солнце печетъ безъ милосердія отъ восхода до заката; черная мелкая пыль не даетъ дышать; лошади устаютъ на десятой верстѣ. Одни сивые, круторогіе волы, опутивъ головы, шагаютъ безъ усталости въ тяжелыхъ ярмахъ со спящими въ телѣгахъ, въ дегтевыхъ рубашкахъ, смуглыми чумаками. Весною и осенью степь растворится и съ мѣсяцъ

буквально непроѣдна. Изъ Лумли мнѣ надо было въ мартѣ съѣздить въ Малинѣ. Приказываю запрячь въ нетычанку пару лошадей. Кучеръ Грицко смѣется.

— Не можно,—говорить.—На конякахъ не доѣдемъ до Малина.

— А какъ же ѣхать?

— Хиба бы на волахъ. По ступицу зарѣзаются колеса. Нетычанку поломаешь. Треба воловій возъ и воловъ.

И я поѣхалъ на волахъ и ѣхалъ 5 верстъ въ два часа.

Степь хороша только весною, когда она цвѣтетъ, въ апрѣлѣ и маѣ, а остальные мѣсяцы любоваться въ степи положительно нечѣмъ.

IX.

Мое тоскливое пребываніе въ Житомирѣ мѣсяца черезъ три вдругъ окончилось очень благопріятной неожиданностью. Однажды явился ко мнѣ черномазенькій, худенькій господинъ, въ пѣхотномъ поручичьемъ мундирѣ съ адъютантскими аксельбантами. Если бы не мундиръ, я принялъ бы его за еврея, до того все въ его фізіономіи было типичное еврейское: горбатый носъ, черные миндалевидные глаза, толстыя, чувственные губы и большія торчащія уши. Отрекомендовался:

— Поручикъ Григорій Сергѣевичъ Дыхно.—Я къ вамъ по дѣлу,—говорить.—Не продадите ли ваши имѣнія Садки и Люмлю. Вотъ изъ Садковъ господа Зеленскіе не желаютъ выѣхать, а вы не хотите ихъ выселять. Такъ ничего и не получаете. Въ Люмлю вамъ тоже нечего ѣхать. Тамъ крестьяне всю землю взяли на годъ въ аренду и деньги уплатили бывшему опекуну.

— Подробно знаете о моихъ дѣлахъ,—говорю господину Дыхно.

— Справлялся, хочу купить. Такое ужъ наше племя: не спрося броду, не сеемся въ воду.

«Племя! какого же онъ племени этотъ Дыхно?» думаю.

Онъ самъ выводитъ меня изъ затрудненія и объясняетъ, что онъ изъ еврейскихъ кантонистовъ, взялъ десяти лѣтъ, окрещенъ, выслужился, получилъ чины и теперь выходитъ въ отставку и хочетъ заняться сельскимъ хозяйствомъ.

— Но я еврей,—твердилъ онъ съ апломбомъ.—И не думаю этого скрывать. Продавайте имѣнія: хорошую цѣну дамъ.

Предложеніе Дыхно, въ моемъ стѣсненномъ положеніи, дѣйствительно было выгодно: онъ бралъ казенный и частный долгъ на себя и выплачивалъ мнѣ сверхъ того три тысячи, т. е. я получалъ все затраченное мною и еще до тысячи рублей барыша.

— Какая же вамъ выгода такъ покупать?—спрашиваю.

— У меня отличный планъ.

— Какой?

— Ну, это мой секретъ. А то вы, пожалуй, имъ воспользуетесь и не продадите мнѣ имѣній.

Пожавъ плечами въ отвѣтъ на такое подозрѣніе, говорю ему:

— Я бы не хотѣлъ, чтобы до осени выселяли несчастныхъ Зеленскихъ.

— И не подумаю ихъ выселять. Сами уѣдутъ.

Покончили на условіяхъ, какъ предлагалъ Дыхно. Но передъ совершеніемъ купчихъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ строенія въ Лумлѣ и Садкахъ были застрахованы, а равно скотъ и движимость, которую онъ туда послалъ. Деньги за страховку были имъ внесены за его счетъ. Мнѣ такъ опротивѣлъ Житомиръ, что я радъ былъ кончить дѣло скорѣе. Дыхно дѣйствовалъ такъ усердно, что въ сентябрѣ обѣ купчія были совершены и онъ введенъ во владѣніе. Я никакъ все же не могъ понять, какой былъ планъ у шустрого еврейчика-офицера.

Послѣ продажи мы съ женою уѣхали въ Кіевъ, гдѣ и прожили до зимы. Какъ-то на улицѣ встрѣчаю старика Зеленскаго съ дочерью. Разговорились.

— Давно ли,—спрашиваю,—выѣхали изъ Садковъ?

— Выгналъ жидокъ. Выкурить?

— Какъ это выкурить?

— Да очень просто: купивъ Садки и Лумлю у васъ, онъ застраховалъ въ нихъ постройки, движимость и скотъ, и все у него сгорѣло. Одной страховой преміи получилъ 10.000 руб. Теперь землю сбываетъ крестьянамъ. За Лумлю ему уже мужики даютъ 12.000 руб. А вы, пане, за грошъ все ему продали.

Уже живя въ Петербургѣ въ девяностыхъ годахъ, я узналъ, что Лумля была перепродана за 38.000 рублей. Кто, кромѣ шустрого еврея Гириши Шмерковича, или, по-христіански, Григорія Сергѣевича господина Дыхно, могъ бы такъ ловко обработать гешефтъ!

Х.

Потянуло въ Петербургъ. Политическая погода измѣнилась; наступила эпоха такъ называемой диктатуры сердца графа Лорисъ-Меликова. Это была прилетѣвшая первая ласточка освободительной весны; она радовала однихъ и очень огорчала московскихъ консерваторовъ, Каткова и К^о, Петровскаго, Грингмута и т. д. Чего боялись и чего хотѣли они? Допускаю, что система Лорисъ-Меликова была ошибочною: никакой диктатурою сердца ожесточенныхъ людей нельзя превратить въ кроткихъ ягнятъ. Но въѣдъ и репрессіи, которыя рекомендовала Москва (извѣстный кружокъ), средство старое, многожды испытанное, но всегда неизмѣнно дававшее кислые и горькіе плоды.

Понавъ снова въ Петербургъ и осмотрѣвшись въ близкомъ мнѣ литературномъ мірѣ, я нашелъ много новаго. Во-первыхъ, шло съ успѣхомъ «Новое Время» и говорило не такъ, какъ говорили въ прессѣ до его появленія. Журналы (ежемѣсячники), игравшіе лѣтъ шесть-семь назадъ доминирующую роль, такой роли уже не играли. Газетная эпоха шла на смѣну журнальной. Никого не интересовало, какъ бывало, въ какой журналъ и какой романъ написалъ тотъ или другой корифей литературы. Много умерло изъ числа тѣхъ, которые обѣщали прославиться, развиваться и... грустно было сознать, что между новыхъ людей пера совѣмъ нѣтъ властителей думъ. Заглядывая въ знакомыя редакціи, я постоянно натыкался на особый сортъ дѣятелей, восьмидесятниковъ...

Литературнаго въ нихъ, особливо между евреями, оказывалось очень мало; писали тяжело, часто безграмотно, да и мало заботились о красотахъ и художественности написаннаго. Было много евреевъ, писанія ихъ отличались ремесленностью. Ни теплы, ни холодны. Тѣмъ не менѣе они имѣли въ обществѣ влияние.

За ихъ неуклюжими прозой и стихами была тенденція, но не та наивная либеральная тенденція памятныхъ мнѣ 60-хъ годовъ, а какая-то иная; кричали съ азартомъ, но едва ли искренно: за народъ! къ народу! во имя народа!.. Политика замѣняла литературу. Народъ, конечно, ихъ не зналъ; не понималъ новыхъ Граховъ и ихъ проектовъ дѣлить общественныя поля, какъ мечтали древніе римскіе трибуны. Все это еще не находило отлососка въ массахъ. Но новая эпоха была близка.

Въ Петербургѣ первое время мнѣ казалось, что я попалъ на чужбину. Однако, я былъ молодъ; умъ работалъ, хотѣлось писать, говорить. Неужели же, думалось мнѣ, за эти нѣсколько лѣтъ я такъ отсталъ, что теперь никто уже меня не пойметъ?..

Иду по новой, безъ меня проложенной Пушкинской улицѣ и вижу на домѣ противъ сквера вывѣску: «Газета «Лучъ».

Когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, журналъ Мещерскаго «Гражданинъ» былъ похороненъ нѣкимъ Пацуковичемъ, проданъ съ торговъ за 214 р. невѣдомому бакалейщику и отъ него пріобрѣтенъ г. Румянцевымъ, содержавшимъ кассу ссудъ и бывшимъ въ плѣну у Шамиля; онъ печаталъ свои рассказы о неволѣ въ горахъ, былъ мнѣ нѣсколько знакомъ; и я зналъ, что купленный имъ «Гражданинъ» былъ имъ переименованъ въ «Лучъ».

— Эврика!—подумалъ я.—Авось мнѣ удастся убѣдить закладчика оставить несвойственное ему литературное дѣло и продать журналъ мнѣ.

Захожу. Контора—нѣсколько комнатъ; хорошая мебель, въ передней разсыльные сидятъ. Въ первой комнатѣ за огромнымъ пись-

меннымъ столомъ сидитъ юноша, очень благообразный, лѣтъ двадцати, горбоносый, черноглазый,—очевидно, еврей. На вопросъ: могу ли видѣть Румянцева?—спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вамъ? Да и бесполезно его видѣть.

— Отчего же бесполезно?

— У него *delirium tremens*. Онъ уже не издатель и въ должности редактора его новый издатель не оставитъ: это третій запой у него въ полгода.

— А кто же издатель «Луча»?

— Господинъ Кардо-Сысоевъ, богатый смоленскій помѣщикъ.

— Можно его видѣть?

Конторщикъ засмѣялся.

— Здѣсь, въ конторѣ, когда сидитъ, всѣхъ принимаетъ. А на квартирѣ—попробуйте, можетъ, и приметъ. Кричать станетъ, а я совѣтую: не смущайтесь... Вы навѣрное литераторъ? И отлично: онъ теперь подыскиваетъ редактора для «Луча». Много приходило проситься, Кардо-Сысоевъ издаетъ еще «Сельскую Бесѣду» для народа. Тутъ редакторомъ педагогъ Столпянскій, онъ пока что и завѣдуетъ редакціею «Луча».

Поблагодаривъ конторщика, Анатолія Евграфовича Тр—па, за совѣтъ, иду въ квартиру Кардо-Сысоева. Принимаетъ. Прохожу цѣлый рядъ комнатъ, богато, но по рыночному меблированныхъ, и въ маленькомъ кабинетикѣ, довольно грязномъ и затхломъ, вижу маленькаго, широкоплечаго человѣка съ двумя горбами. Лицо большое, лобъ высокій, глаза быстрые. Въ одной рубахѣ и нижнихъ стоитъ у конторки и что-то пишетъ.

— Что скажете?—спрашиваетъ, не предлагая сѣсть.

— Вы, я слыхалъ, продаете вашъ журналъ «Лучъ»?

— Кто вамъ сказалъ?

— Въ конторѣ вашей слышалъ.

— Врутъ. Это Анатолій набрехалъ. А вотъ я его, жиденка, за это за хохолъ, за хохолъ выдеру.

— Да не онъ же мнѣ сказывалъ,—пытаюсь я зацѣпить неповиннаго Тр—а.

— Ну, все равно: кто бы ни сказалъ—наврали. Вы хотите «Лучъ» купить. Что дадите?

— Пятьсотъ рублей за право дамъ и журналъ за свой счетъ доведу до января.

— Сморозили, батенька! во какъ сморозили. Да на что мнѣ ваши пятьсотъ рублей? Глядите!

Горбунъ открылъ ящикъ конторки: тамъ были безъ порядка свалены кучи кредитныхъ билетовъ, крупныхъ и мелкихъ.

— Тутъ у меня тысячь пять, да въ банкѣ тысячь тридцать. На мой журналъ «Сельская Бесѣда» обязательная подписка. Больше двадцати тысячь подписчиковъ. Будетъ и больше... Вотъ жаль:

редакторъ Столпянскій—осиновый пенъ. Читаешь его писаніе, точно телѣга по грудѣ ѣдетъ. А вы литераторъ? Не изъ важныхъ, конечно?

Указываю ему, что издавалъ и редактировалъ «Всемирный Трудъ» и «Дешевую Библіотеку».

— Не врите? Какъ ваша фамилія.

— Я назвалъ себя.

Горбунъ оживился.

— Точно,—говоритъ,—эта фамилія стоитъ подъ книгами «Дешевой Библіотеки». Я выписывалъ. Тамъ и романъ вашъ напечатанъ. Сами написали, или у бѣдняка какого купили и поставили свою фамилію?

Беру шляпу и собираюсь уйти. Кардо-Сысоевъ подходитъ ко мнѣ, беретъ за руку и говоритъ:

— Не сердитесь. Теперь я вижу—вы настоящій литераторъ. А то вѣдь пороги у меня отбили: ходитъ всякая шушера. Извѣрился. Мнѣ редакторъ нуженъ. Теперешній Румянцевъ,—третій запой въ полгода и неграмотный. Докторъ сегодня сказывалъ: икаетъ съ утра. Значитъ—канутъ. У меня въ деревнѣ кучеръ, здоровенный былъ мужикъ, все пилъ, а какъ заикалъ—на другой день и побывшился.

Подумавъ немного, Кардо-Сысоевъ уже дружески, мягко закончилъ:

— Такъ вдругъ рѣшить дѣло не могу. Завтра суббота, у меня соберутся сотрудники. Приходите. Тамъ видно будетъ.

XI.

Въ субботу вечеромъ я снова былъ въ квартирѣ Кардо-Сысоева. Засталъ человѣкъ десять, все больше юношей, сотрудничавшихъ въ мелкихъ газетахъ. Ни одинъ не былъ мнѣ знакомъ. Болѣе порядочнымъ выглядѣлъ чиновникъ министерства финансовъ, Михайлъ Михайловичъ Сперанскій. Столпянскій, редактировавшій «Сельскую Бесѣду», смахивалъ на дьякона, — говорилъ басомъ, помахивалъ лысой головою и чего-то все вздыхалъ. Все это были кандидаты въ редакторы газеты «Лучъ». Кардо-Сысоевъ еще не выходилъ изъ кабинета. Анатолій Семеновичъ Тр—пъ, въ качествѣ домашняго секретаря, поилъ насъ чаемъ.

Въ девять часовъ отворилась дверь кабинета, и вышелъ горбунъ во фракѣ съ ослѣпительнымъ пластрономъ и брильянтовой булавкою въ галстукѣ. Остановившись посреди залы, онъ громко объявилъ:

— Сейчасъ ѣду во дворецъ. Вотъ и приглашеніе отъ гофмейстера. Его высочество наслѣдникъ цесаревичъ (впослѣдствіи Але-

ксандръ III) желаетъ меня видѣть. Кто не вѣрить—можетъ прочесть письмо гофмейстера.

Помолчавъ и убѣдившись, что всѣ мы вѣримъ въ приглашеніе его во дворецъ на бесѣду съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, Кардо-Сысоевъ выпрямился, сталъ какъ будто даже выше ростомъ, и продолжалъ ораторствовать:

— Великое будущее ждетъ мои изданія. Но нуженъ редакторъ, литераторъ опытный. Вы всѣ, господа, отличные люди, но еще молодозелено. Редакторомъ я избралъ г. Окрейца. Онъ уже былъ редакторомъ и издателемъ. Я справлялся о немъ. Самъ Маврикій Вольфъ сказалъ о господинѣ Окрейцѣ: ого! ого! Ну-съ, г. Окрейцъ! Анатолій передастъ вамъ довѣренность на редактированіе «Луча». Квартиру занимайте ту, гдѣ жилъ Румянцевъ. Онъ же кстати сегодня послѣдній разъ икнулъ и умеръ. Завтра я уѣзжаю въ деревню. А сегодня, сами видите, не могу съ вами бесѣдовать: ѣду во дворецъ. Ужинъ вамъ подадутъ; винъ не жалѣйте. Побесѣдуйте съ новымъ редакторомъ, столкнитесь, и чтобы, когда я въ ноябрѣ вернусь, «Лучъ» ярко свѣтилъ. Гонораръ тогда удвою. До свиданья! Анатолій! гдѣ тебя чортъ запропастилъ? Плащъ и шляпу. Да живо поворачивайся!

Послѣ отъѣзда чудака, смоленскаго помѣщика, мы еще долго просидѣли, толкуя о журналѣ и о странностяхъ издателя. Ко мнѣ подошелъ Столпянскій и, приглаживая остатки волосъ на вискахъ, конфиденціально шепнулъ:

— Это его точно пригласили въ Аничковскій дворецъ. Сирена! Поетъ тамъ о необходимости дать народу чтеніе, а самъ мнѣ за редакторство и статьи платитъ въ мѣсяцъ всего сто рублей. Тутъ все. Приходится самому все писать. Выжига, государь мой, этотъ горбачъ.

Такимъ образомъ я съ оника сдѣлался редакторомъ «Луча», а въ ноябрѣ вернувшійся Кардо-Сысоевъ предложилъ мнѣ купить изданіе. По его объясненію ему намекнули, что быть одновременно издателемъ «Луча» и «Сельской Бесѣды», народнаго изданія,—неподходящая вещь.

«Лучъ» я купилъ за 5,000 рублей на векселя съ расплатой въ два года и выплатилъ долгъ. «Лучъ» сразу пошелъ бойко. Исторія процвѣтанія и упадка «Луча»—любопытная исторія. Когда-нибудь расскажу и ее; расскажу борьбу мою съ цензурою, которой я не поддался, и съ евреями, которые меня одолѣли и скушали мое изданіе безъ остатка.

С. С. Окрейцъ.

